

Узнав, что Фан Цзычэнь готовится к государственным экзаменам, Ян Минъи принёс из дома несколько книг, предложив их для чтения. Это сэкономило учителю немалую сумму на покупке учебных материалов. Обрадованный донельзя, Фан Цзычэнь стал обучать юношу с ещё большим усердием. Каллиграфия наставника была столь изящна, что превосходила даже образцы из книжных лавок, и ученик попросил научить его этому искусству.

— Да что в этом сложного? — Фан Цзычэнь, преисполненный самодовольства, беззастенчиво заявил: — Каллиграфия, шахматы, живопись, игра на цине — проси что угодно. Один день я твой учитель — и я тебе как отец на всю жизнь. Всё преподаю.

— ... — Ян Минъи на мгновение замолчал, а затем спросил: — Ты умеешь играть в го?

— Конечно! — без колебаний ответил Фан Цзычэнь.

Подросток с сомнением взглянул на него и достал фишки.

— Тогда сыграем партию?

В начале игры Фан Цзычэнь позволил ему сделать три хода форы. На заднем дворе семьи Ян с Ян Минъи никто не играл. Служанки и слуги его боялись, наложницы Ян Мутао ненавидели, главная госпожа презирала. Из-за немногословности и холодного нрава он всегда и везде был один. С тех пор, как в шесть лет научился читать, мальчик всё время проводил в своём дворике за книгами. Чаще всего он изучал трактаты по игре в го и играл сам с собой, представляя, будто у него есть партнёр. Годы такой практики отточили его мастерство до весьма высокого уровня. Даже старый ректор академии Аньхэ однажды похвалил его.

Получив три хода форы, Ян Минъи решил, что Фан Цзычэнь просто хвастался. Однако после третьего хода стиль игры его наставника резко изменился. Он перешёл в наступление, каждый его ход был нацелен на уничтожение. Юноша ломал голову над каждым своим шагом, и не успевала его рука, поставившая фишку, вернуться назад, как Фан Цзычэнь, почти не раздумывая, с лёгким щелчком ставил чёрный камень, перекрывая только что найденный им путь к спасению.

Партия продолжалась в напряжённом обмене ударами. Спустя время, равное сгоранию половины благовонной палочки, на лбу Ян Минъи выступил пот, а скорость его ходов заметно снизилась.

Соперник не торопил его. Прохладный ветерок, влетающий в окно за спиной Фан Цзычэня, дарил приятную прохладу. Подперев щеку рукой, мужчина лениво откинулся на спинку стула, полностью контролируя ситуацию. Куда бы ни пошёл Ян Минъи, Фан Цзычэнь мог разгромить его в три хода.

Его расчёт оказался верным. Ян Минъи не выдержал и трёх ходов. На доске белые камни оказались в плотном кольце чёрных, без единого шанса на выход.

Подросток нахмурился, закусив нижнюю губу. Его лицо побледнело — он был явно потрясён поражением. Фан Цзычэнь, не делая скидку на то, что перед ним гэр, похлопал его по плечу.

— Продержаться против меня так долго — это уже выдающийся результат. Настоящий мужчина должен уметь как побеждать, так и проигрывать с достоинством.

Кроме Ян Мутао, ни один ханьцзы никогда так к нему не прикасался. Юноша на мгновение замер. Он посмотрел на Фан Цзычэня, чей вид говорил: «Эй, братишка, пойдём со мной, в горы на тигра, с гор на быка — я тебя прикрою», и, приоткрыв губы, тихо промолвил:

— Это Фан-гэ слишком силён.

— Ну что ты говоришь очевидные вещи, — Фан Цзычэнь, которому скромность была неведома, усмехнулся. — Я ведь играл не в полную силу. — Он упивался своей победой, но тут же похвалил и Ян Минъи, словно делил с ним и радость, и горе. — Твоё мастерство тоже на высоте. Просто тебе не повезло столкнуться с таким гением, как я. Не переживай, поучись у меня немного, освоишь пару приёмов, и скоро сможешь стать непобедимым во всей Поднебесной.

Такой заносчивости, казалось, не смыть и восьмисотлетним полосканием рта.

— Сыграем ещё, — предложил Ян Минъи.

— Давай.

Одна партия сменяла другую. Непоседливый характер Фан Цзычэня с трудом выдерживал и две-три игры.

— На сегодня, пожалуй, хватит.

Но Ян Минъи отрицательно покачал головой. Поражения лишь разжигали его упрямство, а «сражение» с сильным противником заставляло мозг работать на пределе возможностей. Каждый ход требовал тщательного расчёта, и это было одновременно и волнующе, и увлекательно.

— ...У человека есть три неотложные нужды. Мне пора, — Фан Цзычэнь воспользовался старым трюком и поспешно сбежал.

Ян Минъи, нахмурившись, остался размышлять над шахматной доской. Спустя примерно полчаса в комнату, поглаживая бороду, вошёл пожилой человек.

— И-гэр, что ты так внимательно изучаешь?

— Дедушка, — Ян Минъи был удивлён, но его лицо, как всегда, оставалось бесстрастным. — Что ты здесь делаешь?

— Давно тебя не видел, вот и зашёл проведать, — ответил Старина У. Он подошёл к столу. Комната была убрана, книги и письменные принадлежности сдвинуты в сторону, а в центре стояла доска для го с чёрными и белыми камнями, приковывая к себе всё внимание.

Его взгляд мгновенно прикипел к доске. Любителю го достаточно одного взгляда, чтобы оценить положение: белые были разгромлены чёрными, не имея ни малейшего шанса на сопротивление.

Ян Минъи налил ему полчашки чая и, помедлив, спросил:

— Дедушка, как думаешь, у белых есть способ спастись?

Старина У, чем дольше смотрел на доску, тем больше изумлялся. Забыв про чай, он задумчиво опустил взгляд и спустя долгое время вздохнул и покачал головой.

— Нет.

Он знал о привычке Ян Минъи играть за двоих и с похвалой заметил:

— Давно не виделись, а твоё мастерство, И-гэр, заметно выросло!

В его сердце росла гордость: кажется, теперь он и сам не сможет одолеть своего внука. Но Ян Минъи покачал головой.

— Я играл белыми. Чёрными ходил Фан-гэ.

— Фан-гэ? — Старина У тут же нахмурился. — У твоего отца появился внебрачный сын?

— Нет, — пояснил юноша. — Это мой учитель, он учит меня счетоводству.

После этих слов Старина У припомнил, что внук уже упоминал об этом. Тогда он не придавал этому значения, посчитав, что речь идёт просто о способном счетоводе — фигуре незначительной, вращающейся в низших торговых кругах. Но сегодняшней день заставил его взглянуть на этого человека по-новому.

Старина У снова устремил взгляд на доску. Чем дольше он изучал ходы чёрных, тем больше

восхищался. Каждый шаг был сделан с поразительной хитростью. Казалось, чёрные оставляли белым путь к отступлению, но стоило белым сделать ход, как противник одним движением камня мгновенно брал их в кольцо. Это была классическая стратегия «вижу на десять ходов вперёд», и сам он на такое был не способен.

Исполненный восхищения, Старина У обратился к Ян Минъи, который тоже был поглощён созерцанием доски:

— Что это за человек, твой Фан-гэ? Познакомь меня с ним.

— Это тот, что внизу принимает плату... — когда в «Башне Пьяной Ночи» было много посетителей, управляющий Ян тоже помогал со счетами, и Ян Минъи на мгновение растерялся, не зная, как описать Фан Цзычэня. Внезапно в его памяти всплыли до смешного нелепые слова Гуай-цзая.

«Папа, когда работает, самый-самый красивый»

Старина У заметил, как внук на секунду замер, а потом добавил:

— Самый молодой и самый красивый.

«...»

Старина У спустился вниз в поисках этого человека, но за стойкой был только управляющий Ян. Фан Цзычэнь давно уже ушёл.

Вчера была получка. За хорошую работу и обучение Ян Минъи он получил в общей сложности двенадцать лянов. Половину отдал дома Чжао-гэру в обмен на шесть поцелуев, отчего был на седьмом небе от счастья, а утром, уходя, положил оставшиеся шесть лянов в карман.

Он собирался совершить грандиозную трату — купить своему сыну лошадь.

Деревня Сяохэ находилась не так уж далеко от города Фуань, и Фан Цзычэнь с его ростом и длинными ногами добирался туда за полчаса. Чжао-гэру же приходилось каждый день ходить в город продавать товары. Дома не с кем было оставить Гуай-цзая, а постоянно просить Чжоу-гэра и тётушку Лю было неудобно. К тому же деревенские дети почти не играли с малышом, поэтому Чжао-гэр всегда брал его с собой.

Грунтовая дорога от деревни до города была вся в ямах и ухабах, усыпанная мелкими камнями. У Гуай-цзая была обувь на тонкой подошве, но он, боясь утомить отца, не просился на руки и

каждый день шёл сам.

Детская кожа очень нежная. За прошедший месяц его ступни покрылись волдырями. Чжао-гэр каждый день купал его, но почему-то не замечал этого. Лишь несколько вечеров назад, когда Фан Цзычэнь играл с сыном и хотел пощекотать ему пятки, всё и открылось.

Ноги были сплошь в волдырях, старые уже лопнули, обнажив красную, воспалённую плоть. Увидев это, Фан Цзычэнь почувствовал, как у него мучительно сжалось сердце. Он спросил, больно ли, но мальчик помотал головой и сказал, что нет.

Гуай-цзай был маленьким, гораздо меньше обычных трёхлетних детей, его ступни были едва ли длиннее большого пальца. Фан Цзычэнь осторожно взял их в руки, легонько сжал и глубоко вздохнул.

— Почему ты не сказал папе и отцу?

Гуай-цзай пошевелил пальчиками. Чжао-гэр ещё возился на кухне. Мальчик обнял Фан Цзычэня и прошептал ему на ухо:

— Папа расстроится. Гуай-цзай — хороший мальчик, нельзя расстраивать папу.

Фан Цзычэнь погладил его по голове, чувствуя, как внутри нарастает неконтролируемое раздражение и тревога. Он думал о том, что за свои восемнадцать лет жизни его ни разу не били и не ругали, и самым большим страданием для него было удаление зуба.

Сколько же нужно было пройти, чтобы до крови стереть ноги? Насколько больно, когда лопаются волдыри? Он никогда такого не испытывал, но мог себе представить.

Его сын... его сын страдал.

Когда Чжао-гэр закончил с купанием и запер ворота во двор, он вернулся в комнату. Гуай-цзай уже спал. В слабом свете масляной лампы Фан Цзычэнь, нахмурившись, не сводил с него глаз, выглядя очень расстроенным и подавленным.

Супруг перенёс сына вглубь кровати, затем лёг рядом и, обняв мужа за худую талию, спросил:

— Что случилось?

— У сына все ноги в волдырях, — ответил Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр тут же сел и поднял ножки Гуай-цзая. На ступнях не было живого места. Он

мгновенно всё понял, и его глаза покраснели. Сердце сжалось от боли и чувства вины. Он каждый день был рядом с сыном и ничего не заметил.

— Не плачь, — обнял его Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр долго смотрел на ноги сына, потом тихо проговорил:

— Это всё я виноват.

Муж ткнул его пальцем.

— Не говори глупостей, как ты можешь быть виноват?

— Я...

— Ещё раз скажешь ерунду, я тебя побью.

Испугавшись угроз этого разбойника, Чжао-гэр больше не смел ничего говорить. Он встал, взял иголку и принялся прокалывать оставшиеся волдыри.

Всю ту ночь Фан Цзычэнь ворочался без сна. Продумав до утра, он всё-таки решил купить своему сыну лошадь. С повозкой ножки его мальчика будут в безопасности.

Лошадей и коров, в отличие от мелкой птицы, которую продавали на Западной улице, можно было купить только на конном рынке на Восточной улице.

На рынке стоял густой смрад. Фан Цзычэнь, одурманенный запахами, едва ступил на его территорию, как к нему тут же подскочил хозяин.

— Что желаете купить?

Лошади и коровы стоили недёшево, от десяти до двадцати лянов, и покупатели, способные выложить такую сумму сразу, были редкостью. Часто проходили недели без единого клиента. Захаживали и зеваки, которые не могли себе позволить покупку, но те в основном были одеты бедно. Фан Цзычэнь же с его утончёнными чертами лица и благородной осанкой выглядел как избалованный молодой господин.

В детстве Фан Цзычэнь занимался в конном клубе, а на тринадцатый день рождения приёмный отец подарил ему чистокровного арабского скакуна, привезённого из-за границы. На каникулах он часто ездил верхом и неплохо разбирался в животных.

Лошади на этом рынке были, прямо скажем, «старыми, больными и увечными». Обойдя всё вокруг, Фан Цзычэнь нашёл лишь один более-менее приличный вариант.

— Сколько стоит эта? — спросил он, указывая на рыжую лошадь.

— У молодого господина хороший глаз! — хозяин, смешной человек с козлиной бородкой и глазами-бусинками, потёр руки и заулыбался. — Этому скакуну всего четыре года, самый расцвет сил, и бегают, и тянет отлично. Мы просим за него двадцать девять лянов.

— ... — Фан Цзычэнь подумал, что ослышался. — Сколько?

— Двадцать девять лянов, — любезно повторил торговец.

Здесь, в яхане, здоровый мужик стоил шесть лянов, а за одну лошадь просят двадцать девять? Человек дешевле лошади! Фан Цзычэнь хотел было развернуться и уйти, но это было бы потерей лица. Он вспомнил, как раньше покупал BMW и Ferrari, не глядя, бросая карту со словами «тратьте сколько нужно». А теперь... чёрт возьми, поистине, былых подвигов лучше не вспоминать.

Он кашлянул и, не моргнув глазом, спросил:

— А подешевле можно?

— Ох, господин, никак нельзя! Это же прекрасная лошадь! — хозяин то открывал ей пасть, то ощупывал ноги. — Посмотрите на её зубы, на ноги, на шерсть — блестящая, тёмная! Мы её издалека привезли, из Западных земель. Она превосходно преодолевает препятствия, суставы у неё гибкие и крепкие. В день сто ли проходит, почти как легендарный скакун, потеющий кровью!

«Сегодняшний ветер силён, и ты дуешь не хуже»

— Сделайте скидку, — настаивал он.

— Правда, не могу!

— Тогда не нужно.

Фан Цзычэнь сделал вид, что уходит. Хозяин тут же схватил его за руку.

— Ну, молодой господин, на сколько вы хотите скидку? Мы же можем договориться!

Фан Цзычэнь никогда в жизни не торговался и нашёл это занятие довольно забавным. Они препирались почти час. Пересохшим от споров горлом он сбил цену с двадцати девяти до двадцати одного ляна. У торговца сердце кровью обливалось.

На самом деле и двадцать один лян — неплохая цена, просто прибыль меньше. Торговцы всегда сначала завышают стоимость до предела, оставляя покупателю пространство для торга. Уступая, они дают клиенту ощущение, что тот совершил выгодную сделку. В итоге все довольны: и покупатель, и продавец.

Хозяин сказал, что отдаст коня за двадцать один. Фан Цзычэнь покачал головой и развёл руками.

— Не могу себе позволить!

— Всё ещё дорого? — удивился тот. — Тогда назовите свою цену! Если устроит — продам, нет — можете выбрать что-нибудь другое.

Фан Цзычэнь улыбнулся.

— Шесть лянов.

Хозяин: «...»

Шесть лянов? За шесть лянов купить лошадь? Иди навоза себе купи!

В конце концов Фан Цзычэню стало неловко, и он купил на рынке овцу. Всего за два ляна, примерно по цене мясной свиньи.

Не можешь ездить на лошади — будешь ездить на овце! Взрослый, может, и не поместится, но для Гуай-цзая — в самый раз. К тому же овцу содержать гораздо проще: ест она мало, достаточно бросить ей охапку травы.

Вечером, когда он притащил овцу домой, Чжао-гэр застыл в изумлении.

— Ты... зачем ты купил овцу?

Фан Цзычэнь поманил Гуай-цзая.

— Чтобы мой сын на ней катался.

Чжао-гэр: «...»

Он не знал, что и сказать. Фан Цзычэнь подхватил Гуай-цзая, усадил его на спину овцы, велел держаться за рога и повёл животное по двору.

— Сынок, нравится кататься на овечке?

Ни у кого из деревенских детей не было своей овцы для катания. Он был единственным. Белая, послушная овечка блеяла ему в ответ. Личико Гуай-цзая покраснелось от восторга, он крепко вцепился в рога.

— Нравится!

Чжао-гэр потерял дар речи. Он слышал, чтобы люди ездили на коровах и лошадях, но чтобы на овцах...

Фан Цзычэнь, обучая сына верховой езде, сказал супругу:

— Когда он научится, будешь по утрам сажать его на овцу и вести на верёвке. Она не кусается, не бойся. О, кстати, я вам обоим обувь купил. Пойди посмотри, подходит ли.

Чжао-гэр уже заметил обувь. Подошва была толстой, цвет ему нравился. Уголки его губ дрогнули в улыбке, на душе стало тепло. Он подошёл к Фан Цзычэню, приподнялся на цыпочки и поцеловал его.

Сердце Фан Цзычэня пропустило удар, а потом бешено заколотилось. Он нахмурил брови.

— Ах ты, искуситель! Иди готовь ужин. Ночью мы с тобой продолжим наш разговор... в более тесной обстановке.

<http://bllate.org/book/15357/1439561>